

ЦИФРОВОЕ СЛАБОУМИЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Е.Ю. Мягкова

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

В статье обсуждается понятие цифрового слабоумия (digital dementia), его особенности и причины возникновения, а также проблемы социализации и их связь с обсуждаемым феноменом.

Ключевые слова: функциональная неграмотность, цифровое слабоумие (digital dementia), экстериоризация, интериоризация, навык, конструктивная деятельность.

В связи с проблемами функциональной неграмотности всё чаще и чаще обсуждаются вопросы, которые можно объединить под общим названием «цифровое слабоумие» (Digital Dementia). Если выразить эту мысль более точно, то вопрос можно поставить следующим образом: как современные технологии влияют на нас и на подрастающее поколение?

Дискуссия по этому поводу концентрируется вокруг двух основных точек зрения. Согласно первой из них, постоянно увеличивающееся количество электронных устройств/гаджетов и их повсеместное вхождение в нашу жизнь наносит человечеству страшный вред: дети не развиваются, взрослые тупеют. Сторонники второй точки зрения, наоборот, утверждают, что компьютеры – это благо и бесконечные возможности для развития.

Например, Сьюзен Гринфилд написала целый ряд статей и книг, посвящённых вопросу о том, как социальные сети влияют на мозг человека, как общение в сети влияет на развитие детей. Она отстаивает теорию, согласно которой современные технологии (в частности, общение в социальных сетях) могут оказывать негативное влияние на развитие взрослых и детей, поскольку изменяют мозг человека. Утверждая, что все органы человека, особенно нервы и мускулы, действуют по принципу: «используй или потеряешь», она уверена, что мы сейчас живем в эпоху изменения сознания, которая может быть приравнена к изменению климата. В своей книге «Изменения мозга: какой след оставляют в нём цифровые технологии?» [17] Гринфилд пишет, что смартфоны и социальные сети уводят пользователей в «двухмерное пространство», иссушивая их память и разрушая мозг, при этом атрофируются социальные

навыки. Когда люди замыкаются в этом пространстве, они становятся аутистами и отказываются от реальной жизни.

Сьюзен Гринфилд указывает на разницу в процессах приобретения знаний: традиционные задания в процессе обучения требовали медленной, продолжительной работы над материалом, преодоления трудностей. Но онлайн всё находится на расстоянии нескольких кликов. Гринфилд утверждает, что в доцифровую эпоху в процессе научения всегда соблюдалась линейная последовательность, которую уничтожили гиперссылки. В интервью журналу *New Scientist* [21] она говорит, что социальные сети и компьютерные игры отличаются от предшествующих им технологий тем, что занимают большую часть нашего времени: раньше телевизор смотрели всей семьёй в определённое время, теперь каждый смотрит его в своей комнате до трёх часов ночи – в одиночестве! Но Гринфилд обращает внимание на то, что критикует она не технологии, а то, как они используются, и масштабы их использования.

Другие исследователи проводят экспериментальные исследования, имеющие целью определить, что же происходит с мозгом на самом деле. В работе [18] приводятся данные о результатах исследований, в которых проверялась гипотеза о том, что Интернет-зависимость связывается со структурными отклонениями в сером веществе мозга. Авторы указывают, что лишь немногие работы посвящены изучению влияния Интернет-зависимости на микроструктурную целостность основных нейронных проводящих путей, и практически никто не связывал микроструктурные изменения с продолжительностью Интернет-зависимости. Результаты упомянутого выше исследования позволяют предположить, что длительная Интернет-зависимость приведёт к структурным изменениям мозга, что, возможно, вызовет хронические расстройства у Интернет-зависимых людей.

Исследование Джоан Ли [20] из университета Альберта в Канаде показало, что обмен быстрыми сообщениями и преимущественное использование Интернет-источников сокращает способность людей к восприятию новых слов и включению их в свой лексикон. Ли показала, что предположение о том, что большой опыт переписки в интернете создает у людей креативный подход к языку и «раскрепощает» письменную речь, неверно. «На самом деле, более гибкое отношение к языку и успешное восприятие нового проявляется у тех, кто читает больше печатных изданий» [там же]; ср.: [6; 11]/

Интерес представляют также исследования использования смартфонов, особенно детьми. В настоящее время именно эти устройства

вызывают всё большее беспокойство в Китае и Корее. Например, результаты исследования [19] подтвердили предрасположенность маленьких детей к формированию зависимости от смартфонов. Эта зависимость связана с проблемами в поведении и приводит к ограничениям в эмоциональном интеллекте. Однако негативные последствия слишком частого использования смартфонов детьми могут быть снижены за счёт внимания к этому вопросу со стороны родителей.

Исследование влияния Интернета и видеоигр на академическую успеваемость, а также роль гендерной, половой принадлежности и финансового положения на это влияние изучалась в [21]. В исследовании принимали участие около 500 подростков в возрасте около 12 лет. Одну треть испытуемых составляли афроамериканцы, две трети – белые американцы. Исследование проводилось в течение двух лет. Результаты показали, что чем больше дети использовали Интернет, тем использование Интернета связано с лучшими навыками чтения, но только у детей с не очень хорошими навыками чтения. Видеоигры ассоциировались с лучшими визуально-пространственными навыками, но также у детей с низкими показателями успеваемости. Гендер, цвет кожи и доход также оказывали влияние на использование Интернета и видеоигр, но они не влияли на взаимосвязи между этими технологиями

Манфред Шпитцер [16], который ввёл в научный обиход термин *Digitate Demenz*, или цифровое слабоумие, поддерживает тех, кто полагает, что слишком частое использование компьютеров наносит вред развитию детского мозга. Имеется в виду использование компьютера не пять минут, а семь и больше часов в день (это, как указывает Шпитцер, среднее время использования компьютера в день в Германии). Мозг постоянно изменяется, и такое его использование приведёт к нехорошим изменениям. Шпитцер подчёркивает, что цифровые средства массовой коммуникации – благо для тех, у кого уже есть образовательная база; тогда они действительно способствуют развитию и приобретению новых знаний. Но они губительны для детей. Более того, лёгкость обращения с цифровыми средствами массовой коммуникации не приучает трудиться, здесь акцент делается на удовольствие.

Л. Стрельникова [14] указывает, что по запросу «digital dementia» (цифровое слабоумие) Google выдаст около 10 миллионов ссылок на английском языке, а на запрос «digital dementia research» – около 5 миллионов), на «цифровое слабоумие» – чуть больше 40 тысяч ссылок на русском. Она считает, что в нашей стране эту проблему пока не осознали, поскольку мы позже присоединились к цифровому миру.

«Систематических и целенаправленных исследований в этой области в России тоже почти что нет. Однако на Западе количество научных публикаций, касающихся влияния цифровых технологий на развитие мозга и здоровье нового поколения, нарастает год от года. Нейробиологи, нейрофизиологи, физиологи мозга, педиатры, психологи и психиатры рассматривают проблему с разных сторон. Так постепенно накапливаются разрозненные результаты исследований, которые должны сложиться в цельную картинку» [там же].

Такие же проблемы рассматривает А. Шперх [15], обсуждая книгу Шпитцера. Он тоже приходит к выводу о том, что плачевные результаты сегодняшних школьников связаны вовсе не с тем, что они всё время читают с экрана компьютера, а с тем, что и как они читают.

Можно было бы привести огромное количество интереснейших исследований на эту тему, но ясно одно: заинтересованные в исправлении ситуации люди связывают возможность решения проблемы с отношениями между людьми, то есть в сфере социализации личности. Уточним, что мы обозначаем этим термином.

В.В. Красных, ссылаясь на А.Н. Леонтьева, пишет: «По мнению психологов, процесс социализации является главным процессом, который характеризует психическое развитие ребёнка, ибо это есть специфический процесс освоения, усвоения и присвоения им достижений предшествующих поколений. Эти достижения в отличие от достижений филогенетического развития животных не фиксируются морфологически и не передаются путём наследственности, человеческие способности формируются в самом этом процессе... чтобы социализироваться и стать полноправным членом общества, необходимо освоить, усвоить и присвоить, т.е. интериоризировать и распродметить, достижения культуры, созданные предшествующими поколениями» [10: 19]. В схеме А.Г. Асмолова [2] в качестве основы для присвоения и воспроизводства общественно-исторического опыта включена социальная конкретно-историческая система общества, образ жизни в данной системе (в том числе в культуре). На этой основе осуществляется процесс совместной деятельности члена общества (ребенка, взрослого) в социальной группе как основа социализации личности (механизм интериоризации), в ходе которого происходит формирование личности, проявление личности как субъекта деятельности (механизм экстериоризации). За этим следует преобразование совместной деятельности социальной группы, ведущее к преобразованию образа жизни в данной социальной системе.

Вряд ли можно предложить единое универсальное определение понятия *социализация*, поскольку этот феномен изучается в рамках разных наук и различных парадигм в рамках каждой из них. Тем не менее, можно выделить некоторые общие черты. Так, в тексте предыдущего абзаца приведены определения, выстроенные в рамках теории деятельности, одним из краеугольных камней которой является *активность* познающего субъекта. Различные определения, предлагаемые зарубежными психологами, как правило, в иной научной парадигме, также подчёркивают активность субъекта социализации, используя термин *learning* (научение).

В процессе социализации человек взаимодействует с окружающим его миром в разных направлениях и на разных уровнях (я – ты – мы – человечество – общество – природа). Когда мы говорим о взаимодействии, то имеем в виду не абстрактного, усреднённого человека, а конкретного ребёнка или взрослого, присваивающего достижения конкретной культуры. Именно поэтому необходимо понимать, что в разном возрасте социализация происходит по-разному, у неё есть свои особенности, свои цели и задачи и свои результаты. Совершенно очевидно, что основные тенденции и навыки социализации формируются на самом первом этапе, в период *дошкольного детства*, начиная с *младенчества*.

Учёные-социологи выделяют две группы людей (агентов), которые влияют на развитие и становление личности в процессе социализации: первичная – знакомые люди, или неформальные агенты (семья, родители, соседи) и вторичная – незнакомые люди (формальные агенты, или институты). Понятно, что эти две сферы влияния на процесс социализации постоянно взаимодействуют, а доля влияния каждой из них варьируется в каждом отдельно взятом случае, хотя в целом, видимо, можно утверждать, что в течение первого периода социализации ведущей является сфера влияния первичных групп, а в дальнейшем большее влияние постепенно приобретают вторичные группы. Но эти две сферы агентов постоянно взаимодействуют, поскольку, например, семья не изолирована от сферы организованного обучения, средств массовой информации и пр. Условно можно выделить третью сферу социализации – окружающий мир. Изменения в среде обитания ведут к изменениям в процессе социализации.

Многие исследователи указывают на то, что в последние десятилетия заметно снизилось количество исследований социализации личности в период дошкольного и школьного детства [13]. Можно добавить, что в настоящее время слишком мало внимания уделяется этому периоду и со стороны «участников» этого процесса: родителей, педагогов и пр., и со стороны исследователей, представляющих различные науки. Нужно

сказать, что в последнее десятилетие появилось множество публикаций, затрагивающих отдельные аспекты социализации в современном мире, например, в журнале *Economist* была опубликована статья под заголовком «Какими вырастут дети, нога которых не касалась земли?». Речь в этой статье шла о детях, «выросших» в автомобиле. Доступность и многообразие товаров и услуг ведут к изменению образа жизни, включая элементарные повседневные действия, что не может не приводить к физиологическим и психологическим изменениям. Например, в период дошкольного детства возникают проблемы с мелкой моторикой. Раньше эта проблема во многом решалась каждодневным завязыванием шнурков и застёгиванием пуговиц, вместо которых теперь мы имеем липучки и молнии. Конечно, в специализированных магазинах продаются «правильные» развивающие игрушки, а некоторые «продвинутые» мамы делают такие игрушки сами, но таких семей не так уж много. Современные игрушки во многом оставляют желать лучшего в плане развития фантазии и формирования навыков мелкой моторики, которая имеет исключительное значение для развития психических процессов.

Кроме того, нельзя не отметить уже на этом этапе нашествие электронных средств коммуникации, что приводит к уменьшению времени, отводимого на совместные игры, чтение, просто общение. Со стороны вторичной социализации определяющими становятся такие факторы, как доступность и многообразие товаров потребления и услуг, изменение образовательной системы, отсутствие целенаправленной языковой политики со стороны государства и пр. Изменение системы образования привело к подмене реальных результатов образования формальными показателями, что постепенно приводит к увеличению количества людей, не умеющих читать и считать, а главное – не умеющих понимать тексты. Снижение статуса родного языка способствует снижению уровня общей грамотности и к функциональной неграмотности, которая проявляется, в частности, в «недостаточной сформированности речевых умений, ведущих к неправильному пониманию и искажению смысла при восприятии чужих мыслей и к нечёткой передаче собственных», в результате чего человек становится в той или иной степени неподготовленным «к выполнению возложенных на него функций» [4].

Понятно, почему функциональная неграмотность связана, прежде всего, с речевой деятельностью: язык неразрывно связан с мышлением и, следовательно, со всеми сферами деятельности человека (прямо или опосредованно, ср.: [9]). В этой связи интерес представляют обсуждаемые в [7] результаты исследования уровня функциональной грамотности

выпускников школ как одного из показателей их готовности к жизни во взрослом сообществе. В работе делается поразительный и очень важный вывод: «Как видим, чем меньше интеллектуальных усилий требует то или иное умение, тем выше молодые люди оценивают свою способность справиться с заданием» [там же; выделено авторами]. Вспомним приведённое в начале статьи утверждение об активном субъекте социализации. Придётся признать, что это проблема, требующая безотлагательного решения.

В первую очередь решаться должны проблемы, связанные с обучением чтению, письму и устному счёту (см., например, [3]). Устный счёт развивает у детей инициативу, сообразительность, изобретательность, внимание, память, мышление, прививает любовь и интерес к математике. Письмо и чтение – базовые школьные навыки, без эффективного владения которыми обучение затруднено или просто невозможно. Как указывает М.М. Безруких [4], это сложнейшие интегративные навыки, объединяющие в единую структуру деятельности все высшие психические функции – внимание, восприятие, память, мышление. Она подчёркивает, что обучение тактике письма и технике чтения не имеют самостоятельной ценности, если не приводят к письменной речи, не создают потребность в ней, не дают навыки именно письменной речи. Именно об этом писал Л.С. Выготский, говоря о культурно-историческом смысле обучения ребенка письму и чтению. Л.С. Выготский указывал, что методики обучения (а принципы этих методик, очевидно, не изменились до настоящего времени) «не учитывают главное, и вместо письменной речи дают ребенку письменные навыки» [8: 196]. Главным Л.С. Выготский считал культурное развитие ребенка, которое базируется на формировании навыков письма как начального этапа обучения письменной речи. Заметим здесь, что Л.С. Выготский подчёркивал отличие собственно письменной речи от техники письма и утверждал, что «чисто механическая способность читать скорее задерживает, чем продвигает вперед культурное развитие ребенка» [цит. раб.: 198].

А.Р. Лурия одним из первых проанализировал психофизиологические механизмы процесса письма. Он отмечал, что «...для того чтобы учащийся мог научиться писать, он должен хорошо различать диктуемые звуки речи и сохранять, удерживать в памяти, их порядок, хорошо усвоить написание букв, не смешивая близкие по начертанию, и выработать твердые двигательные навыки, уверенно чередуя нужные движения» [12].

Так же можно описать и процесс чтения, при котором ребенок должен хорошо воспринимать, различать и дифференцировать все буквенные

знаки, уметь переводить их в звуки, складывать из них слова, понимать и знать смысл слов, правильно выделять грамматическую структуру письменной речи и понимать смысл читаемого текста.

По этому поводу М.М. Безруких [4] указывает на то, что процесс чтения очень сложен, а способность различать и называть буквы (чаще бывает, что помнит ребенок далеко не все буквы) – только один элемент этого процесса. Большое значение для чтения имеет сформированность механизмов внимания, памяти, произвольной регуляции деятельности.

В.П. Зинченко указывает, что целостные представления о мышлении могут быть получены только путём выхода «за пределы мышления в мир деятельности и действия, в мир образов, в мир аффектов и, конечно, в мир слова. Это необходимо, потому что действие, образ, слово, чувство становятся языками мышления. Слово содержит в своей внутренней форме образ и действие, действие – образ и слово, а образ – действие и слово. По отношению к ним применим древний принцип: «Всё в одном, одно во всём» [9: 103]. Именно поэтому так важно, чтобы ребёнок научился правильно использовать язык для освоения, усвоения и присвоения знаний. Об этой роли языка пишет Л.Р. Аносова: она указывает, что в результате интериоризации носителем языка присваиваются значения, которые на уровне индивидуального сознания заполняют «синтаксический каркас (рамку)» [1]. Правила семантического синтаксиса «присваиваются индивидуальным сознанием через эталоны речевого мышления и имеют объективную основу. Складывающаяся в сознании идеальная картина мира, определяемая нами, вслед за Э.В. Ильенковым, как «схема» деятельности человека с вещами внешнего мира, представляет собой синтаксический каркас (рамку), в которой помещаются присваиваемые индивидом значения. ... Подобно тому как образ, интериоризуясь, теряет свою модальность, так и эталон [языковой – Е.М.], присваиваясь (вписываясь в семантическую систему), теряет свою конкретность – остается синтаксический каркас и возможность заполнения его конкретными значениями» [цит. раб.: 96]. Этот синтаксический каркас – основная опора для пользования языком.

Процесс чтения на начальном этапе тоже разделяется на отдельные операции, и они не менее сложны, чем в процессе письма. Ребенок должен освоить весь набор письменных знаков (букв), научиться сознательно различать и выделять их, соотносить эти графические знаки с отдельными звуками, усвоить правила воссоздания из графического образца слова его звучащий вариант, потом нужно узнать это слово, понять его смысл. И только научившись выполнять все эти «технические» операции, ребенок

может учиться понимать не только слово, но и текст.

Навык – отработанное до автоматизма действие. Действие, как известно, складывается из операций. Если на каждом этапе формирования навыка действия не отработаны до автоматизма, вырабатывается дефектный навык. Результаты такого «дефектного» формирования навыков мы имеем в наличии сегодня. Именно этим обусловлены трудности, с которыми сталкиваются сегодня не только школьные учителя, но и преподаватели вузов.

Всё сказанное выше позволяет заключить, что так называемое цифровое слабоумие – во многом результат безответственного отношения субъектов социализации друг к другу. Понятно, что на первых этапах социализации главная роль принадлежит ближайшему окружению ребёнка, которое своим поведением и образом жизни должно задавать эталоны для усвоения, освоения и присвоения. Если не стимулируется активная познавательная деятельность ребёнка, предполагающая преодоление трудностей, а вместо этого предлагаются всевозможные удовольствия, в дальнейшем получится функционально неграмотный человек, который вряд ли будет способен успешно решать жизненные задачи. На этапе начальной школы должны формироваться навыки чтения, письма и устного счёта, имеющие важнейшее значение для развития мышления. Используемые сегодня методы оценки знаний и умений не позволяют проконтролировать становление звукобуквенных соотношений и навыка использования опор для извлечения смысла читаемого, поэтому мыслительные процессы не развиваются. Современные школьники и студенты не умеют работать с разными видами информации. Большинство из них «не видит» структуры текста и не может его пересказать. Изменения происходят и на уровне значения слова: всё больше слов становятся «пустышками», они используются «автоматически», но за ними не стоит знание. Наличие многочисленных ошибок свидетельствует о том, что у множества современных носителей русского языка не сформированы глубинные опоры (синтаксический каркас), которые позволили бы им различать формы слов. А. Шперх [15] указывает, что главным местом для учения будет «любое, где [для ученика – Е.М.] появляется возможность конструктивной деятельности. Не пассивное потребление информации, а именно активная конструктивная деятельность, когда он не только использует готовые ресурсы, но и сам активно участвует в их развитии. И ещё активно делится результатом со сверстниками. Последнее очень важно, ибо позволяет не только оценить свой уровень владения мастерством по отношению к другим, но и побывать в роли эксперта,

оценивая чужие работы. Примеряя на себя поочередно роли ученика, мастера и эксперта, ребёнок проходит все стадии обучения».

Список литературы

1. Аносова Л.Р. Эталоны речевого мышления // Вопросы психологии, 1985. №2. С. 96–100.
2. Асмолов А. Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. 528 с.
3. Баврин И.И. Избранные задачи С.А. Рачинского для умственного счёта. М.: Московский психологосоциальный институт, 2002, 48 с.
4. Безруких М.М. Трудности обучения письму и чтению в начальной школе (лекции). М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2009.
5. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) [Электронный ресурс] / URL: <http://refdb.ru/look/2054801.html> (дата обращения: 18.09.2015).
6. Беляева Н.В. Гипертекст как когнитивно-коммуникативная единица: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010. 18 с.
7. Вершловский С.Г., Матюшкина М.Д. Функциональная грамотность выпускников школ. Социологические исследования, № 5, 2007. С. 140–144.
8. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 томах. Том 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
9. Зинченко В.П. Возможны ли целостные представления о мышлении? // Психологическая наука и образование. 2001. № 2. С. 96–103.
10. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
11. Кружилина Т.В. Понимание текста детьми дошкольного возраста с учетом факторов социального окружения ребенка (экспериментальное исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 19 с.
12. Лурия А. Р. Психологическое содержание процесса письма // Хрестоматия по логопедии (извлечения и тексты): учеб. пособие для студентов высших и средних специальных педагогических учебных заведений: В 2 тт. Т. II / Под ред. Л.С. Волковой и В.И. Селиверстовой [Электронный ресурс] / URL: http://pedlib.ru/Books/2/0031/2_0031-5.shtml#book_page_top (дата обращения: 08.12.2016).
13. Социализация личности в изменяющемся мире. Психология образования в XXI веке: теория и практика. Портал психологических изданий [Электронный ресурс] / URL: http://psyjournals.ru/education21 /issue/54812_full.shtml (дата обращения: 01.12.2016).
14. Стрельникова Л. Цифровое слабоумие. «Химия и Жизнь», 2014, №12. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.hij.ru/read/issues /2014/december/5210/> (дата обращения 24.11.2016).

15. Шперх Анатолий. Цифровое слабоумие: кто на самом деле глупеет от гаджетов? – [Электронный ресурс] / URL: <https://newtonew.com/discussions/digital-amentia> (дата обращения 24.11.2016).
16. Шпитцер М. Цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2008. 288 с.
17. Greenfield S. Mind Change: How Digital Technologies are Leaving their Mark on our Brains. NY: Random House, 2015. 349 pp.
18. Kai Yuan, Wei Qin, Guihong Wang, Fang Zeng, Liyan Zhao, Xuejuan Yang, Peng Liu, Jixin Liu, Jinbo Sun, Karen M. von Deneen. Microstructure Abnormalities in Lee Joan Hwechong Adolescents with Internet Addiction Disorder [Electronic resource] / URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/07475642> (accessed at: 02.12.2016).
19. Kiung-Seu Cho, Jae-Moo Lee. Influence of smartphone addiction proneness of young children on problematic behaviors and emotional intelligence: Mediating self-assessment effects of parents using smartphones. Computers in Human Behavior. Volume 66, January 2017, Pages 303–311 [Electronic resource] / URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/07475632> (accessed at: 02.12.2016).
20. Lee Joan Hwechong. What does txtng do 2 language? The influences of exposure to messaging and print media on acceptability constraints. Department of linguistics, Calgary, Alberta, 2011 [Electronic resource] / URL: http://dspace.ucalgary.ca/bitstream/1880/48490/1/2011_Lee_MA (accessed at: 11.10.2016).
21. Jackson Linda A., Alexander von Eye, Edward A. Witt, Yong Zhao, Hiram E. Fitzgerald. A longitudinal study of the effects of Internet use and videogame playing on academic performance and the roles of gender, race and income // Computers in Human Behavior. Volume 27. Issue 1 [Electronic resource] / URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/0747563> (accessed at: 16.11.2016).

DIGITAL DEMENTIA: MYTH OR REALITY?

E.Yu. Myagkova

South-East State University, Kursk

The article discusses the notion of digital dementia, its specifics and causes and also the problems of socialization and its relation to the phenomenon of digital dementia.

Key words: *functional illiteracy, digital dementia, exteriorization, interiorization, skill, constructive activity.*

Сведения об авторе:

МЯГКОВА Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Юго-Западного государственного университета, г. Курск, e-mail: elenamyagkova@mail.ru